

С. ВЫШЕСЛАВЦЕВА

Реклама и лозунг-плакат Маяковского

В недавно вышедшем IV томе собрания сочинений Маяковского обращают на себя внимание значительно расширенные, существенно описательные материалы, посвященные его рекламе и лозунг-плакатам. Правда, напечатанным материалам далеко не исчерпывается вся работа Маяковского в этой области.

Рекламы, листовки, профсоюзные, санитарные и др. плакаты Маяковского 1923—30 гг. (так же как и листовки его плакаты 1919—21 гг.) представляют собой в истории нашего советского искусства исключительное в своем роде явление и по самому факту сочинения в ряде случаев живописца и поэта в одном лице, и по новизне всего стиля, и по высокому мастерству выполнения (как живописной, так и текстовой стороны) и наконец по политическому удельному весу, какой имели в свое время эти крошечные по размерам свои вещи.

Известно, как, несмотря на все это, недооценили эту форму «агитки» Маяковский наша критика и часть читающей публики... Через головы всех «литературных» людей Маяковский обращал эту работу непосредственно к массам: плакаты Ростки на овинах, реклама и серия агитовых первых лет кино — это самые ранние выступления Маяковского как поэта-массовика.

Здесь он продолжал очиснение языка от поэтической мелушки на точных, конкретных и «не допускающих многословия» заданиях.

Здесь он осваивал впервые для русского стиха тему, по природе своей отнюдь не поэтическую... Вспомним хотя бы плакат «Пляш в урну». Его веселая, остроумная реклама папирос, чая, печенья, конфет, резиновых изделий и т. д. способствовала укреплению социалистического сектора советской торговли, она была в чистоте и «печаль», отвечающая у них покупателям, она пропагандировала продукцию советского производства. Вот почему Маяковский отдавался с такой страстью этой работе, не боясь вызывать глумление и нападки.

Он гордился тем, что в этих крошечных по количеству слов и несложных по теме вещах он несколько не снижал обычного уровня своего мастерства и умения. «Несмотря на поэтическое уклонение», — пишет Маяковский в своей автобиографии, — считая «нигде кроме, как в Моссельпроме» поэзией самой высокой квалификации». К этой, имевшей часто утилитарное, подсобное значение поэзии Маяковский относился с той же величайшей профессиональной добросовестностью, с какой он относился к всякой другой своей работе.

В отделе «Лозунг-плаката» отмечено, прежде всего, четыре замечательных, хочется сказать, классических санитарных плаката: «Сор — в урну», «Береги бак», «Моя урна», «Пляш в урну», напечатанных впервые в 1923 г. в газете «Рабочая Москва» в сопровождении рисунков Маяковского под общим заголовком «Будем культурны и в мелочах». Затем — все дальнейшие тексты на санитарные темы: мой окна и полы, проветривай комнату, чисти обувь и платье и т. д. — целый поэтический кодекс законов о чистоте!

Среди них мы, к нашему удивлению, не находим лишь одного весьма выразительного и по картинке и по тексту плаката, который хорошо помню еще о «Маяковском» в Литемузее: «Литературный музей».

Литературный музей не держит в жилище — станет сразу просторней и чище. В том же отделе — ряд интересных и очень выразительных текстов для плакатов на противопожарные темы, например:

Вредители нам грозятся пожарами. Следы за их фигурами поджарыми! «Герои» злокозных и производственных плакатов Маяковского — это симулянт, лжецы, воры, прогубленцы, пьяницы, болтуны, драчуны, развратники и т. д., словом, все те, кто действует заруку классовому врагу.

Вспомогательные к этим плакатам имеют сейчас лишь литературный и историко-бытовой интерес, т. е. перестали быть — по счастью! — для нас злободневными; другие «звучат» и сейчас, например:

К сожалению, этот лучший и поэтический вариант, равно как и вариант плаката о «богатырском прогубленце», дан редактором т. Катананом только в приложениях (стр. 573), чем обесценен в тексте книги раздел «Лозунги для Электростанций» — интереснейшая и последняя работа Маяковского этого типа.

Необязательно ярок весь отдел «Реклама». Здесь Маяковский буквально неистощим в изобретательности в разработке темы, по остроумию, неожиданности определений, ассоциаций, сравнений и рифм. Превосходнейшая, нарочитая полнота деталей — знаменитый «гиперболизм» Маяковского кажется здесь вполне естественным и даже необходимым художественным приемом, неотъемлемой принадлежностью «плакатного стиля». Обычная для Маяковского форма живого, эмоционального обращения к собеседнику тоже находит себе в этом жанре наилучшее применение. Например:

Покупая, примечай: чай — чай? Остерегайтесь подделок. Что за радость, если вам подсынут дешую гадость? и т. д.

Или такая реклама-призыв — громкая и величественная:

Остановись, уличное течение! Помни: в Моссельпроме лучшее лечение.

Иногда Маяковский естественно и просто включал в рекламу какой-нибудь политический, актуальный для того времени, момент:

Папиросы «Червонец» хороши на вкус.

Крепки, как крепко червонный курс.

В двуступных на обертках карамели «Красноармейская звезда» Маяковский дает целую политическую картину: о Красной армии и задачах обороны страны. На карамели «Иллюстрия» в четверостишиях частушечного типа дана программа индустриализации. На карамели «Красная Москва» — история революционной столицы: «Раньше царь конюшню брал. Теперь отдавать рабочие автомобили (машин). Здесь был участок и тюрьма для солдат. А мы ребята разбили сад!» (Колонный портрет) и т. д.

Чрезвычайно ярок и выразителен плакат о гапонах, приведенный в книге на выданном листе! Но самая известная, пожалуй, из резинотравяных реклам Маяковского — это его реклама о сосках:

Лучших сосок не было и нет, — Готов сосать до старости лет.

Еще в 1930 г. (реклама относится к 1923 г.) Маяковский приходилось вспоминать эту рекламу, отвечая на возражения своих противников. Об этом свидетельствует стенограмма его выступления в Доме комсомола Кр. Пресни. «Агитация за соски», — говорил он, — есть агитация за здоровую смену, за культуру». Так умеет Маяковский обобщать, приводить свою мелкую свою работу в связь с самыми основными задачами своими как поэта-революции, подчинять ее этим задачам!

Думается, что сегодня настала пора не только оценить, но и всерьез использовать опыт Маяковского в этой области. Сопоставляя, например, и некоторые другие его плакаты и догадываясь, что бы было, если бы в их существующем виде и сохранились еще одна хорошая служба в нашем сегодняшнем советском быту. Другие потребовали бы некоторой незначительной переработки; третьи, наконец, могли бы послужить отправной точкой для создания новых работ на более актуальные, нужные для нас сейчас темы и задания.

Здесь Маяковский сочинил тексты, а иногда и рисунки, не только для плакатов, но и для вкладышей, для обертки, для конфетных этикеток.

Н. МАСЛИН

Маяковский и традиции

(В порядке обсуждения)

За ранними стихами Маяковского установилась репутация вещей ученических. К ним критика причисляла не только стихи «дооктябрьского периода» (1909—1911 гг.), но и такие, как «Утро», «Порт», «Ночь», относящиеся к 1912 году. Наиболее открыто зависимость великого поэта от символистской культуры объявляла в статьях разоблаченного врага Мухоманова, которые Мирский, прославивший субъективностью и беспринципностью своих оценки, объявлял «новым словом» в разработке наследия поэта. И убеждение в несамостоятельности раннего Маяковского многими критиками разделяется до сих пор. Так, редакторы и комментаторы послужившего основой собрания сочинений Маяковского не только популяризируют эту «теорию», но и углубляют ее!

Важность разработки вопросов, связанных с мировоззрением и поэтикой Маяковского дооктябрьского периода, очевидна. Уяснение противоречивости и сложности раннего Маяковского поможет понять его поэзию в целом, весь путь поэта. И еще не раз критике придется обращаться к дооктябрьскому творчеству Маяковского, как к источнику пункту его движения к вершинам социалистической поэзии. Задача настоящих заметок — привлечь внимание критики к этому вопросу, подчеркнуть некоторые основные особенности ранней поэзии Маяковского.

Маяковский не завершил поэзии последних предположений десятилетия, а открывает новую страницу всей русской поэзии.

II

В лирике Маяковский порывает с господствующими направлениями поэзии, как бы дает бой вражеской территории. Борьба за новую лирику была условием перехода к эпическому жанру, чуждому предшествующей поэзии. Кроме того, ранняя поэзия Маяковского была не только разрушением символистских традиций, но и во многом полемикой с явлениями «левого искусства».

Для символистской лирики показателен разрыв между образом и смыслом, словом и предметом. Это пространство не свободно, как у немецких романтиков; оно заполнено бесконечными сравнениями и ассоциациями. Учителями символизма были поэты типа Бодлера, автора

В. Маяковский. Новый портрет работы худ. Н. Демосовского

Письмо в редакцию

Нет чтения для школы

Наши детские писатели пишут сейчас книги, предназначенные почти исключительно для внеклассного чтения. Гайдар, Барто, Маршак, Чуковский, Паустовский, Кассиль и другие авторы рассчитывают на ребенка-читателя, которому нужна дома интересная толстая книжка, нужен журнал. Но они забывают, что дети проводят половину своей жизни в школе, что они знакомы с литературой не только через увлекательную книжку, но и через хрестоматию для классного чтения.

Интересно знать, многие ли писатели, работающие на фронте детской литературы, заглядывали в хрестоматию для чтения III и IV классов?

В этой хрестоматии они нашли бы сказки Пушкина, басни Крылова, поэмы Некрасова («Генерал Топтыгин», «Дед Мазай и зайцы»), рассказы Толстого, Чехова и Гаршина, отрывки из Гончарова и В. Гюго, рассказы Горького, стихи Пушкина, Некрасова, Тютчева, Маякова — одним словом, золотой фонд нашей классической литературы. И не нашли бы советские писатели, да малые исключения, себя, т. е. советской литературы.

Несколько стихотворений Д. Бедного, легенда А. Исаева, отрывки из Гайдара, по одному рассказу Кассиля и Григорьева, одно стихотворение В. Инбер, «Мистер Туктер» Маршак. И все!

Товарищи! Этого очень мало! И оставили в этом не виноваты. Советской школе наряду с классикой нужна современная тематика, поданная в настоящей художественной форме. Не нет и ее нужно дать. Причем условие: дайте школе коротенькие рассказы, пригодные для десятилетних ребят деревни и города.

Не было бы детским писателям заглянуть в «Книгу для чтения» Л. Толстого (не заражаясь его идеологией, конечно).

Нужны рассказы на полстраничку, на страничку, на полторы. Учитель, например, что совершенно нет в хрестоматии чтения для первого полугодия III класса. Дети, перебрал в II классе, читают еще очень слабо, а мы вынуждены давать им «Лугу-ку-путешественнику» Гаршина и «Капитанку» Чехова, — вещи превосходные, но пригодные больше для кончающих III класс.

Советскому же писателю надумываться над тем, о чем писать? Разве маленькие сказки, рассказы из жизни природы с простой фабулой, без сентиментального сарказма, без славности, с добрым отношением

к окружающему не могли бы занять и воспитать нашего ребенка?

Сколько интересных эпизодов из жизни наших людей! — На эту тему можно было бы написать множество замечательных рассказов, очерков.

Сколько проявлений честности, храбрости, любви к родине среди наших советских ребят, — это ли не материал для художественного произведения?

Дети в тематике старых хрестоматий занимали большое место.

Нам нужны произведения, в которых были бы показаны наши решительные, смелые дети, наши молодые изобретатели, наши ребята, охраняющие общественное хозяйство и границы нашей родины, участники нашего строительства. Нужны рассказы и отрывки о героических делах Испании.

Детский писатель Советского Союза должен погасить свою «задолженность» перед школой.

Мы считаем, что сою писателей обязан серьезно поставить этот вопрос перед детскими писателями и принять заказ который делают писателям школа и страна.

С. БРАЙЛОВСКАЯ

М. РЫБНИКОВА

Воспоминания о Маяковском

В девятом номере «Молодой гвардии» за прошлый год печатались воспоминания сестры В. В. Маяковского — Людмилы Владимировны о детстве и юности великого поэта-революции. Вторая часть воспоминаний, опубликованная в то же время в № 2 «Молодой гвардии» за 1937 год, охватывает первые годы пребывания семьи Маяковского в Москве.

Будущему биографу Маяковского эти воспоминания, написанные искренне и беспристрастно, дадут ценный материал для характеристики обстановки, которая формировала личность юного Владимира Маяковского. Это была обстановка острой нужды, вечных скитаний по квартирам из-за отсутствия средств, вечных забот об удовлетворении самых элементарных потребностей.

Нужда была настолько велика, что не хватало на лечение, если кто-либо заболел.

Когда Владимир Маяковский заболел воспалением легких, сестра, автор воспоминаний, «сприхотась» обратиться к чувству гуманности первого встречного врача.

— Я забежала, как помню, к доктору Судякову и сразу спросила: «Вы можете бесплатно лечить больного? У меня сильно болен брат». Доктор оказал помощь, брат поправился.

Когда случилось несчастие с младшей сестрой, Ольгой (жюлька пошла в руку и переломилась на три части), то нужно было обогатить всех знакомых, чтобы достать пять рублей для оплаты стоимости операции.

«В это время, — вспоминает Л. Маяковская, — мне приходилось зарабатывать случайной работой: черчением, рисованием и особенно выжиганием разных хулиганских вещей. Иногда Володя помогал мне. В холоде, за полутемной лампой, в дыму и копоти сидели мы за столом и работали. Приходили друзья, знакомые. У кого были деньги, приносили еду. Часто сидели до утра».

Неудивительно, что в душе Владимира Маяковского рано вспыхнуло чувство протеста против строя собственников, чувство ненависти к преисполненной буржуазии, к царской деспотии. Углублению этого чувства помогло еще и то обстоятельство, что первым квартирантом Маяковских в Москве оказался из китайской земли, болшевик, у которого «стали жаркие партийные споры, можно было достать политическую литературу, узнать политические новости, почтительно нелегальную». Целыми днями Володя пропадал у соседей».

Четырнадцать лет от роду Маяковский был арестован по делу нелегальной типографии Московского комитета РСДРП(б).

Но мальчик оказался не из пугливых. Он не давал спуску полицейским державникам, и его поэтому, в виде наказания, трижды переводили из одного участка в другой. Маяковский не хотел никакой скидки «на молодость», и при аресте он показал, что ему семнадцать лет.

На возражения матери жандармский полковник заявил:

— Что вы будете говорить, ведь он сам сказал, что ему семнадцать лет, и выглядит он на семнадцать-восемь.

Сборник «В. В. Маяковский—кино»

В ближайшее время выходит из печати сборник произведений Маяковского, связанных с кинематографией. В первой части сборника — сценарии «Дети», «Слон и оптика», «Сердце кино», «Любовь Шафалова», «Декабристы и Октябрь», «Как поживаете?», «Товарищ Копиток» или «Долой жир!», «Позабудь про камин». Во второй части — три статьи Маяковского, написанные в 1913 году, статьи и заметки 1922—1927 гг., две речи на диспуте и два впервые публикуемые документа: предисловие к сборнику сценариев и письмо всеукраинскому Фотокиноуправлению.

Кроме того в книге — вступительная статья редактора сборника А. В. Февральского «Маяковский и кино» и биография.

Сборник иллюстрирован снимками кадров из фильмов с участием Маяковского, кадров из других картин, снятых по его сценариям, киноплакатов работы Маяковского и др.

К сожалению, издательство «Искусство», выпускающее этот сборник, работает очень плохо. Сборник был отдан издательству еще в июле 1936 года, но оно не позаботилось даже о голодном смерти поэта эти воспоминания отдельной книгой.

наплат, и развить на восемнадцатидесятилет.

Не успев, однако, власти оформить дело о привлечении выпущенного на поруки Маяковского к судебной ответственности, как он был вторично арестован (18 января 1909 г.). На этот раз он просидел полтора-два месяца. В июле он был арестован в третий раз и посажен в одиночку Бутырской тюрьмы как участник организации побега 13 заключенных из женской политической тюрьмы.

О том, на каком счету был у полиции 16-летний Маяковский, свидетельствует заявление одного из видных представителей охраны Людмилы Владимировны:

— Самый большой и толстый, — пишет она, — говорил о том, что давно пора нашу семью выслать вместе с братцем: «около нас собирается постоянно революционная компания».

Полиция намеревалась серьезно осуществить свой план: с большим трудом удалось спасти юного Маяковского от высылки в Туркестанский край.

В воспоминаниях Л. Маяковской есть много интересных данных о ранних художественных вкусах Маяковского, о его окружении, о его гимназических годах.

Остроумие и мужество никогда не изменяли Владимиру Владимировичу.

Однажды ночью полиция нагрянула с обыском. Против ожидания, в комнате оказались только спящие Маяковский и его товарищ.

В ответ на разочарованный вопрос о месте интересного для них: «Вы спите?», Маяковский спросил: «А вам сколько надо?». И, повернувшись на другой бок, заснул.

Когда Маяковский был арестован по делу о победе политотторжков на Политком женской тюрьмы (он был взят вместе с его рисовальными принадлежностями на квартире у Морчалова), полицейские долго не могли сформулировать протокол. Владимир Владимирович предложил им следующую редакцию:

«Владимир Маяковский пришел сюда по рисовальной части, отчего и пристав Мещанской части, нахожусь, что он, Владимир Маяковский, виноват отчасти, посему его надлежит разорвать на части».

Об уровне развития 15-16-летнего Маяковского, о круге его интересов можно судить по заявке, сделанной им в письме из тюрьмы к Людмиле Владимировне.

В этом письме он просит, чтобы ему прислали письмо Иосифа на немецком языке и несколько немецких учебников, психологий Челпанова, логику Минора, «Сущность головной работы» Дигена, первый том «Капитала» Маркса, «Историю искусств» Тейлора, «Историю живописи XIX столетия» Мутера, «Введение в философию», «Диалектические этюды» и т. д. и т. п.

«Молодая гвардия» отнюдь слежала, что дала место интересным воспоминаниям Людмилы Маяковской. Странно, что ни одно издательство не догадалось выпустить в свет этой замечательной смерти поэта эти воспоминания отдельной книгой.

Я. Р.

Благодушные спортсмены

Семейной династии баларских рыцарей, при советнике Лоренца Но прусские рыцарства Цвейта, выступающие в борьбе за справедливость в качестве союзников еврейских разрозненных, на шаг вперед, весьма экзотическое явление. Нам кажется, что родословная Винфрида и фон Лихова идет не из исторических бойцов при Фердинанде, а от литературной традиции изображения этих рыцарей в эпоху романтизма.

Так или иначе, генерал фон Лихов — персонаж скорее историко-литературный, чем исторический, — является романе главным носителем и за-

Окончание см. на 5 стр.

Германский антифашистский писатель Людвиг Ренн (слева) среди командиров одной из интернациональных бригад республиканских войск на мадридском фронте.

